

На правах рукописи

Богатырёв Арсений Владимирович

**РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ 70-Х ГГ. XVII В.
ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре зарубежной истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Научный руководитель:

Кутявин Владимир Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Анишаков Юрий Петрович,
доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
и археологии ФГБОУ ВПО «Поволжская
государственная социально-
гуманитарная академия»

Рокина Галина Викторовна,
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории ФГБОУ
ВПО «Марийский государственный
университет»

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО «Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова»**

Защита состоится 12 декабря 2013 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502. Здание Института международных отношений КФУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, ул. Кремлевская, 35, читальный зал № 1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте КФУ: <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ: <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Д. Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. По истории Речи Посполитой XVII в. сохранился богатейший источниковый материал, самую обширную и значимую часть которого составляют, конечно, польские документы. Однако помимо «внутреннего» взгляда на события и явления существовал еще и «внешний» взгляд – взгляд чужеземца, во многом отличавшийся от восприятия поляка-современника.

Как известно, Речь Посполитая с ее своеобразными институтами во всех сферах жизни издавна привлекала внимание иностранцев, оставивших подробные описания ее общественно-политического и государственного устройства, обычаев, традиций, верований поляков. Разумеется, свидетельства иностранцев не способны заменить польские источники, но они могут обогатить их, дополнить некоторыми существенными деталями, которые не всегда замечались самими поляками. Этому в значительной степени способствовали различия в культуре, иной стиль мышления, другая иерархия ценностей, отличавшие иноземца от представителя польского общества.

Примером такого «взгляда» являются донесения стольника и стрелецкого полковника Василия Михайловича Тяпкина – главы первой российской резидентуры в Польше (1673–1677 гг.). В отличие от дневников и донесений западноевропейских путешественников и дипломатов, свидетельства жителей территориально близкой Речи Посполитой страны – России (Московского царства) редко используются в качестве источника по истории Польши XVII в. Возможно, пренебрежение к запискам российских свидетелей связано с их недооценкой. Сейчас этот взгляд нуждается в некоторой корректировке: история Речи Посполитой, те или иные происходившие в ней знаковые события, ее культурное богатство представлены в свидетельствах российских очевидцев не менее полно, а иногда и более разносторонне, чем в сообщениях европейцев. Подобное заключение позволяет сделать материалы резидентуры Тяпкина. Особо ценными его свидетельства делает сам период его пребывания в Речи Посполитой, связанный с началом правления Яна III Собеского и происходившими в это время важными событиями.

Объектом диссертационного исследования выступают материалы первой российской резидентуры в Варшаве. При определении предмета диссертационной работы необходимо учитывать характер материалов, изучение которых предполагает три равноправных подхода, соответствующих сложившейся дисциплинарной специализации: источниковедение, отечественная история и всеобщая история. **Предметом** исследования является сложившийся из свидетельств Тяпкина образ Речи Посполитой 1670-х гг.

Степень изученности темы. Каких-либо специальных исследований, дававших целостную характеристику Польско-Литовского государства на основе не только материалов миссии Тяпкина, но и в целом российских дипломатических документов, не существует. Тем не менее имеется немало трудов, косвенно затрагивающих данную проблему. Наиболее богатой является *отечественная историография* вопроса, которую можно условно разделить на три периода: до-

революционный, советский и современный. Вычленение трех периодов обусловлено не только эпохальными событиями 1917 и 1991 гг., но и интересом исследователей к данной теме, который в разное время был неодинаков.

Дореволюционная историография. Самым значительным этапом в изучении Речи Посполитой 1670-х гг. с использованием донесений Тяпкина стал дореволюционный период, чему способствовали не снижающаяся острота польского вопроса в Российской империи и, в частности, события 1830–1831 гг. в Царстве Польском, а также последующие польские восстания. Проблемы особенностей государственно-политического устройства Речи Посполитой на основе донесений Тяпкина коснулись в своих работах А. Ф. Малиновский, А. В. Терещенко, В. И. Аскоченский, А. В. Романович-Славатинский.¹ История дипломатии Речи Посполитой, вопросы истории польско-российских отношений с привлечением материалов миссии Тяпкина были затронуты в трудах А. Н. Попова, С. М. Соловьева, Н. И. Павлищева, Е. Е. Замысловского, Н. Н. Бантыша-Каменского.² Процесс колонизации российского дворянства на примере Тяпкина освещался В. О. Ключевским, А. Г. Брикнером, А. С. Лаппо-Данилевским, С. Ф. Платоновым.³ Положение православного населения Речи Посполитой, по данным Тяпкина, охарактеризовали П. Е. Медовиков и Н. И. Субботин.⁴ Важным для дореволюционной историографии событием стала публикация труда А. Н. Попова – единственного сочинения, полностью основанного на донесениях Тяпкина.

Итак, в XIX в. появились работы, в которых с привлечением материалов резидентуры Тяпкина рассматривались некоторые вопросы межконфессиональных отношений в Речи Посполитой, ее политического устройства, культурной жизни. Но все это были только отдельные попытки использовать богатейшие сведения резидента о Польше, в целом же, что вполне оправданно, донесения Тяпкина рассматривались главным образом как источник по истории польско-русской

¹ Малиновский А. Ф. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833. Ч. 6. С. 89, 93–95; Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России : в 3 ч. СПб., 1837. Ч. 1. С. 83–86; Аскоченский В. И. Киев с древнейшим его училищем Академией. Киев, 1856. С. 235, 349; Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 33.

² Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854; Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М., 1991. Кн. 6–7; Павлищев Н. И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину : в 3 т. СПб., 1887. Т. 3. С. 65; Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1887. С. 11; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) : в 4 ч. М., 1897. Ч. 3. С. 146, 155.

³ Ключевский В. О. Полный курс лекций. В 5 ч. Ч. 3 / В. О. Ключевский // Русская история : в 5 т. М., 2005. Т. 2. С. 141; Брикнер А. Г. История Петра Великого : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 24; Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 124; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории : в 2 ч. М., 1994. Ч. 1. Западному влиянию С. Ф. Платонов, как известно, посвятил отдельную монографию: Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л., 1925.

⁴ Медовиков П. Е. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854. С. 97–98; Субботин Н. И. Ян Белободский и Павел Негребецкий. Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII в. М., 1863. С. 9–10.

дипломатии. Заметно, что до начала XX в. материалами русской резидентуры в Речи Посполитой интересовались преимущественно историки-архивисты или ученые, связанные с архивами (А. Ф. Малиновский, А. В. Терещенко, П. И. Иванов, Е. Е. Замысловский).

Советская историография. После революции 1917 г. интерес к истории Речи Посполитой снизился. Имя Тяпкина вновь начинает появляться в научных сочинениях начиная с 1940-х гг. К теме польско-российских дипломатических связей с привлечением материалов московской дипломатической миссии возвратились Н. А. Смирнов, попытавшийся охарактеризовать политические предпочтения литовской шляхты,⁵ и Н. П. Ковальский.⁶

Советская историография продемонстрировала преемственность с дореволюционной: советские историки продолжили традицию изучения внешней политики Речи Посполитой с использованием сведений Тяпкина, начало которой положили А. Н. Попов, С. М. Соловьев, Н. И. Павлищев и др.

Новым этапом в изучении темы стал *современный период*: к воссозданию картины культурной жизни Речи Посполитой 70-х гг. XVII в. обратились филологи и культурологи. Это направление в изучении темы открыли работы С. И. Николаева, представившего литературную жизнь Польши на примере присланных Тяпкиным в Посольский приказ поэтических произведений.⁷ В ключе эсхатологических настроений в Речи Посполитой и Европе были рассмотрены материалы российского дипломата С. М. Шамина.⁸ Таким образом, на современном этапе изучения проблемы произошел важный поворот от внешней политики и политического устройства Польши к ее культурной жизни.

Зарубежная историография, в отличие от российской, значительно реже обращалась к документам московской резидентуры. Внимания заслуживает лишь *польская историография*, интерес которой к донесениям резидента совершенно обоснован. Польские историки, как и российские исследователи, при изучении внешней политики Речи Посполитой 1670-х гг. не могли не заинтересоваться донесениями российского дипломата. Привлекая материалы Тяпкина, тему совместных польско-российских действий против турок затронул Артур Сливинский; отношений Речи Посполитой, Франции, Бранденбурга-Пруссии, Австрии и Турции коснулся Збигнев Вуйчик; вопрос польско-российско-турецких контактов освещал польско-австрийский автор Отто Форст-Батталья, чью книгу

⁵ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. : в 2 т. М., 1946. Т. 2. С. 133, 135.

⁶ Использувавший суждения Тяпкина для характеристики политического устройства Речи Посполитой. См.: Ковальский Н. П. Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепрпетровск, 1968. С. 163, 165.

⁷ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах второй половины XVII – первой трети XVIII вв. Л., 1989. С. 35, 51; Николаев С. И. Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 95–99.

⁸ Шамин С. М. Чудеса в курантах времен правления Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6). С. 102; Шамин С. М. В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 136; Шамин С. М. К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России в XVII столетии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 51.

3. Вуйчик назвал лучшей зарубежной (непольской) биографией Яна III.⁹ В трудах по истории польской дипломатии общего характера российская резидентура лишь упоминается.¹⁰

Для освещения как внутривосполитических дел, так и отчасти внешней политики Речи Посполитой воспользовался бумагами Тяпкина Крыстын Матвийовский, попытавшийся первым оценить информативность донесений резидента. Научную линию К. Матвийовского продолжил Адам Пшыбось, обратившийся к истории элекции 1674 г. и коснувшийся информации, полученной Тяпкиным о планах литовского гетмана М. К. Паца. В этом же контексте имя российского резидента приводит современный исследователь Конрад Бобятыньский.¹¹

Отдельного упоминания заслуживает научно-популярный труд Тересы Хынчевской-Хеннель, посвященный восприятию Речи Посполитой иностранцами. В нем впервые как в специальной работе анализируется меткая характеристика политического устройства Польско-Литовского государства, данная Тяпкиным.¹²

Затрагивая вопросы культурного развития Речи Посполитой 1670-х гг., обратился к деятельности российского резидента Януш Тазбир. Как и российский исследователь С. И. Николаев, польскую политическую поэзию последней четверти XVII в. Я. Тазбир рассматривал, упоминая главу московской миссии, работу которого оценил как «скрупулезную».¹³ В последнее время жизнь и деятельность Тяпкина в Речи Посполитой попала в поле зрения такого авторитетного исследователя эпохи Яна III, как Марек Вагнер.¹⁴

Как видно из приведенного обзора, донесения Тяпкина до сих пор использовались преимущественно в работах по истории России. Анализ историографии показывает, что документы российской миссии привлекались авторами специальных работ, освещавших отдельные стороны истории тогдашней Речи Посполитой, а это означает, что свидетельства резидента использовались избирательно и неполно. Пока не предпринимались попытки воссоздания на основе материалов российской миссии целостного образа Речи Посполитой XVII в.

Цель диссертационной работы заключается в реконструкции образа Речи Посполитой 1670-х гг. на основе анализа всех материалов российской резидентуры Тяпкина. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

⁹ Śliwiński A. Jan Sobieski. Warszawa, 1924. S. 192; Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Wrocław etc., 1976. S. 24, 83; Forst-Battaglia O. Jan Sobieski król Polski. Warszawa, 1983. S. 82.

¹⁰ Historia dyplomacji polskiej : w 2 t. / Pod red. Z. Wójcika. Warszawa, 1982. T. 2. S. 228.

¹¹ Matwijowski K. Pierwszy sejm z czasów Jana Sobieskiego. Wrocław, 1976. S. 13, 43, 80, 90, 97, 125; Przyboś A. Pac Michał Kazimierz // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław etc., 1979. T. 24/4. Z. 103. S. 725; Bobiatyński K. Michał Kazimierz Pac, wojewoda wileński, hetman wielki litewski. Działalność polityczno-wojskowa. Praca doktorska... Warszawa, 2006. S. 277.

¹² Chynczewska-Hennel T. Rzeczpospolita XVII w. w oczach cudzoziemców. Wrocław etc., 1993. S. 199.

¹³ Tazbir J. Słowa na stosie. Długie dzieje cenzury w Polsce // Polityka. 2001. № 9. URL: <http://archiwum.polityka.pl/art/slowa-na-stosie,367977.html> (дата обращения: 02.12.10).

¹⁴ Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676 : w 2 t. Zabrze, 2009. T. 2. S. 216.

1. Реконструировать ментальную и интеллектуальную биографию Тяпкина для более точного и разностороннего понимания суждений резидента о Речи Посполитой 1670-х гг.

2. Показать «русский взгляд» на Яна III Собеского, т.е. мнение и впечатления российского современника о государственных делах и приватной жизни знаменитого польского короля.

3. Рассмотреть, каким представлял дипломат государственный строй Речи Посполитой 70-х гг. XVII в.; проанализировать, какие процессы, затронувшие основные государственные институты Польши, были замечены россиянином.

4. Исследовать данные резидента о бытовой культуре и повседневной жизни Польского государства 1670-х гг.: нравственных установках и обычаях шляхты; городской жизни; роли религии в Польше и отношениях представителей двух конфессий – католиков и православных.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают время функционирования в Речи Посполитой первой российской резидентуры 1673–1677 гг. Однако эти хронологические рубежи не являются «неприкосновенными» и не исключают обращения как к более ранним, так и к более поздним периодам.

Источниковую базу диссертации составляют как неопубликованные (это основа данной работы), так и опубликованные материалы. Неопубликованные материалы представлены документами первой российской резидентуры в Польше, хранящимися в фонде 79 (сношения России с Польшей) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве и состоящими из комплекса документов, получившего название «Отправление» резидента в Польшу (Д. 160), черновика и белого варианта статейного списка Тяпкина (Д. 161 а, 161), его отписок, писем (донесений) (Д. 163, 164, 173, 178, 182), а также отосланных в Россию переводов польских источников (Д. 166).

Самым важным из перечисленных источников является отчет дипломата – его статейный список, состоящий из трех частей: краткого описания пути в Польшу; основной части с описанием важнейших событий, происходивших в Речи Посполитой в период резидентства Тяпкина; заключительной части с перечислением финансовых расходов резидентуры.¹⁵ В статейном списке изложены основные происшествия, события, помещены ценные документы по политической истории Польши.¹⁶ Письма дипломата дополняют статейный список некоторыми подробностями и деталями.

Наиболее активно в работе используются данные из чернового варианта статейного списка Тяпкина. Черновик отчета содержит значительно больше информации, чем его белой вариант, отредактированный для передачи высокопоставленным лицам и поэтому лишенный некоторых резких суждений дипломата, ярко показывавших его чувства, впечатления. Это позволяет рассматривать именно черновик статейного списка Тяпкина как более точный и достоверный

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79. Д. 161 а. Л. 6, 18 (путь), 21–811 об. (основное содержание), 812–813 (обратный путь), 813 об.–815 (расходы).

¹⁶ Там же. Л. 26 об. и др. (сочинение о близости двух народов), л. 108–129 (присяга Яна Собеского).

источник – своего рода «дневник» резидента. Тем не менее некоторые стороны жизни Речи Посполитой (например, переговоры о российской кандидатуре на польский престол) более подробно раскрыты именно в беловике дневника-отчета, что было учтено при рассмотрении этих вопросов в диссертации.

В научный оборот впервые вводятся некоторые документы российской миссии. Даже наиболее полно использовавший донесения Тяпкина А. Н. Попов, похоже, не знал о существовании такого корпуса документов московской резидентуры, как «Отправление Тяпкина в Польшу». В данной работе этот источник, содержащий важную информацию о выборах короля в Речи Посполитой в 1674 г.,¹⁷ активно используется.

Документы миссии весьма объемны. Они составляют более 3 000 листов и содержат разнообразную информацию по самым различным сторонам жизни Речи Посполитой. Прежде всего материалы резидентуры содержат информацию о самом российском дипломате, что помогает оценить подготовленность резидента к выполнению дипломатической миссии, «плотность» информационного окружения, интенсивность коммуникации. Бумаги Тяпкина проясняют некоторые моменты биографии резидента, позволяют судить о его моральных качествах, характере, интересах.¹⁸

Если говорить о восприятии Тяпкиным Речи Посполитой, то на первое место по частоте упоминаний в материалах российской миссии выступают сведения о государственном устройстве Польши и главнейших институтах, его составляющих: сенате, посольской избе и короле. Тяпкин предоставил ценные сведения о механизме принятия решений в сеймах, составил картину сеймовых заседаний, передал атмосферу, царившую на них. Донесения Тяпкина позволяют составить представление о компетенциях королевской власти в Польше, об изменениях в положении монарха, о полномочиях, обязанностях и роли короля в жизни Польского государства.¹⁹

Большой пласт информации касается вооруженных сил Речи Посполитой. Донесения Тяпкина содержат данные о тактике и стратегии военных действий, об общем состоянии вооруженных сил, экипировке и вооружении польских солдат. Особый интерес представляет информация о моральном состоянии и боевом духе польских солдат.²⁰

Резидент не обошел своим вниманием бытовую культуру и повседневную жизнь Польши. Фигуру Тяпкина тут можно признать примечательной – наверное, именно с его миссии начинаются регулярные контакты представителей российского и польского общества в повседневной жизни. Дипломат дает характеристику польскому «народу» – шляхте, на нравственных качествах которого стольник останавливается весьма подробно. Как и любого русского наблюдателя (по

¹⁷ А помимо этого – предысторию польско-российских отношений и список вещей, взятых Тяпкиным в Польшу. Российский государственный архив древних актов. Д. 160. Л. 1 об., 8 об.–9.

¹⁸ Там же. Д. 163 (отписки Тяпкина 1674–... гг.). Л. 54 об.; Д. 178 (письма Тяпкина 1676–... гг.). Л. 54 об.; Д. 182 (отписки Тяпкина 1677 г.). Л. 135 об., 139 об.

¹⁹ Там же. Д. 178. Л. 4 об., 5 об.–6, 7, 16 об., 26–27 об., 33, 36 об.–37, 39, 40–40 об., 51 об., 58, 60 об., 111–112, 143 об.–144.; Д. 182. Л. 147 и др.

²⁰ Там же. Д. 161 а. Л. 431–433 об. и др.

крайней мере до XVIII в.), Тяпкина чрезвычайно интересовал польский город как явление европейской цивилизации.²¹

Достаточно обстоятельно дипломат характеризует религиозную жизнь Польши. Здесь самые яркие впечатления вызвала у Тяпкина обрядовая сторона католической религии: бумаги стольника дают много разнообразных данных о внутреннем убранстве католических храмов, ходе месс, проводившихся на них обрядах и церемониях, одеяниях католического духовенства, музыкальном сопровождении служб. Впрочем, Тяпкин проясняет не только «вещную» сторону католической церкви, но и пытается заглянуть во внутренний мир католического священника, охарактеризовать религиозность поляка, оценить его духовные качества.²²

Важно, что резидент не просто излагал увиденное, записывая те или иные события, но и показывал свое отношение к ним, делился своими мыслями по тому или иному поводу, пытался сравнить польские реалии с реалиями московскими. Подобные «вольности» российские дипломаты того времени не всегда могли себе позволить: являясь «лучами» «царственного светила», они должны были строго следовать полученным в Москве инструкциям.

Как в прошлом, так и в настоящем предпринимались попытки публикации документов московской дипломатической миссии. Наиболее активно работа по публикации документов первой российской резидентуры велась в дореволюционный период. Первым значительный фрагмент статейного списка Тяпкина опубликовал П. И. Иванов. Спустя несколько лет два письма резидента как приложение к своему труду «Русское посольство в Польшу» напечатал А. Н. Попов, а в начале XX в. одно из писем дипломата опубликовал А. С. Крыловский.²³

В советский период каких-либо новых попыток публикации донесений Тяпкина не предпринималось. Лишь в конце 1980-х гг. небольшой фрагмент дневника-отчета резидента с описанием театрализованного действия был приведен С. И. Николаевым, а в конце 1990-х гг. появилась публикация украинского исследователя М. Г. Крикуна, в приложении к которой автор привел одно из писем резидента.²⁴ Чтобы понять, применял ли Тяпкин накопленные в период пребывания в Польшу знания в дальнейшем, в диссертации использовались публикации документов других миссий Тяпкина, например переговоров с гетманом

²¹ Там же. Д. 163. Л. 55–55 об.; Д. 182. Л. 146 об. и др., Там же. Д. 163. Л. 161 об.; Д. 160. Л. 144; Д. 161 а. Л. 384; Д. 178. Л. 81–84 и др.

²² Там же. Д. 163. Л. 85; Д. 178. Л. 63–64 об. и др.

²³ Выписка из статейного списка русского посольства в Польшу, 1673 г. / П. И. Иванов // Описание государственного архива старых дел. М., 1850. С. 305–327; Поздравительное письмо В. М. Тяпкина царю Федору Алексеевичу с восшествием на престол / А. Н. Попов // Указ. соч. С. 277–280; Письмо В. Тяпкина А. С. Матвееву 27 марта 1677 г. // Там же. С. 281–287; Отписка к оберекателю посольских дел... боярину Артамону Матвееву... от Василия Тяпкина, 1675 г., январь–декабрь / Крыловский А. С. // Львовское ставропигиальное братство. Киев, 1904. С. 173–176.

²⁴ Николаев С. И. Театральный эпизод... С. 96–97; Лист російського резидента в Варшаві, стольника і полковника Василя Михайловича Тяпкина наказному гетьманові Остапові Гоголю 1677 р. Варшава (?) / Крикун М. Г. // Остап Гоголь – гетьман козацтва правобережної України [Електронний ресурс]. URL: <http://www.lnu.edu.ua/Subdivisions/um/um2-3/Statti/2-KRYKUN%20Mykola.htm> (дата обращения: 10.12.10).

И. Самойловичем о дальнейшей судьбе Чигирина, где заметно использование стольников опыта, полученного при осмотре укреплений Вавельского замка.²⁵

Помимо документов первой российской резидентуры, в работе использовались материалы миссии второго российского резидента в Польше (с 1688 по 1689 гг.) П. Б. Возницина (Д. 234), позволившие сравнить методы работы двух дипломатов, отметить преемственность двух резидентур. Для выяснения фактов биографии резидента изучались данные переписи 1710 г. (Ф. 1209. Д. 12756).

Источниковая база исследования включает и опубликованные источники. Так, в диссертации использовались летописные материалы: «Летопись» Самойла Величко, «Летопись львовского кармелитского монастыря», «Летопись Самовидца», Густинская летопись, позволившие уточнить и сопоставить некоторые факты.²⁶

Выяснение отличительных особенностей собранных российским дипломатом сведений о Речи Посполитой привело к необходимости сравнения впечатлений Тяпкина с отзывами других иностранцев. В работе использовались свидетельства Патрика Гордона (1650–1670-е гг.), Гийома де Боплана (1630–1648 гг.), Яна Стрэйса (1668 г.), Мишеля де Тенвилля (Gaspard de Tende), Ульриха (Ульрика) Вердума (1671–1672 гг.), Франческо Бонвисии (1674 г.), Бернгарда Таннера (1676, 1678 гг.), автора «Дневника зверского избиения бояр в столице» (1682 г.), кавалера де Бойё (Франсуа Далерака, 1680-е гг.), Бернарда О'Коннора (1690-е гг.), данные анонимного сочинения о нравах российской знати, также привлекалась информация из французских дипломатических документов, опубликованных Казимежем Валишевским.²⁷ Внимание уделялось и российским документам того

²⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (далее – АЮЗР) : в 15 т. СПб., 1869. Т. 6; Статейный список Василия Тяпкина, посланного к гетману Самойловичу и к боярину князю Ромодановскому, с присовокуплением грамоты гетмана Самойловича к царю и статей, составленных гетманом и боярином о необходимости удержать за собою и укрепить Чигирин, 1677 г., 23 сентября // АЮЗР. СПб., 1884. Т. 13.

²⁶ Величко С. В. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. : в 2 т. Киев, 1851. Т. 2; Летопись Львовского кармелитского монастыря. 1648–1676 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://izbornyk.ru/sborlet-et/sborlet09.htm> (дата обращения: 25.05.09); Летопись Самовидца [Электронный ресурс]. Київ, 1971. URL: <http://izbornyk.org.ua/samovydz/sam/htm> (дата обращения: 15.04.09); Густинская летопись // Полное собрание русских летописей : в 14 т. СПб., 1843. Т. 2.

²⁷ Гордон П. Л. Дневник. 1635–1659. М., 2000; Боплан Г. Л. де. Описание Украины // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси : в 2 вып. Киев, 1896. Вып. 2; Стрэйс Я. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа. М., 2000; Hauteville de. Relacja historyczna o Polsce // Cudzoziemcy o Polsce. Relacje i opinie. Wiek X–XVII : w 2 t. / Opr. J.Gintel. Kraków, 1971. Т. 1. S. 310–331; [Werdum U.] Pamiętnik... // Ibid. S. 288–305; Opisane elekcji króla Jana III // Ibid. S. 307–309; Buonvisi F. List w cyfrach... do kardynała Altieri (май, 1674 г. – А.Б.) // Niemcewicz J.U. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce... : w 5 t. Lipsk, 1839. Т. 4. S. 252–255; Таннер Б. Л. Ф. Польско-литовское посольство в Московию // ЧОИДР. 1891 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Tanner/text1.phtml?lid=1408> (дата обращения: 11.04.09); Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 г. и избрания двух царей Петра и Иоанна. СПб., 1901; [Beaujeu Ch. de]. Pamiętniki... // Cudzoziemcy o Polsce... Т. 1. S. 335–346; Wyjątek z pamiętników Bernarda O'Conora // Niemcewicz J.U. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce... S. 286–317; Характеры вельмож и знатных людей в царствование Алексея Михайловича // Северный Архив. 1825. № 20; Archiwum

времени, суждениям самих россиян: «Домострою», боярской книге 1658 г. и боярским спискам XVII в., «Выходам государей», труду Г. К. Котошихина, документам российской миссии в «цесарскую землю» в 1682 г., свидетельствам Б. П. Шереметева и П. А. Толстого.²⁸

Вспомогательное значение для данной работы имеют другие виды источников польского происхождения: описание посольства Яна Завадского к английскому королю Карлу I (1633 г.); парламентские документы – дневник элекции 1674 г., опубликованный Францишеком Ключицким; произведения эпистолярного жанра (письма короля Яна III супруге Марии Казимиры); известные записки Я. Х. Пасека.²⁹

Методологическая основа диссертационного исследования. Особенность выбранного ракурса (один из аспектов исследования – взгляд иноземца на Речь Посполитую) заставляет использовать методы имагологии, исследовательский опыт которой был учтен в данной работе.³⁰

При исследовании образа Речи Посполитой применялись «ключевые методологические принципы имагологической исследовательской программы»,³¹ учитывались возможная завышенная самооценка наблюдателя, вероятное предубеждение во взаимоотношении с представителями другого народа.

spraw zagranicznych francuskie do dziejów Jana Trzeciego : w 2 t. / Opr. K. Waliszewski. Kraków, 1879. T. 1: Lata od 1674 do 1677.

²⁸ Домострой. Изд. 2. СПб., 2005; Боярская книга 1658 г. М., 2004; Информационная полнотекстовая система «Боярские списки XVIII в.» (есть списки и XVII в. – А.Б.) / Рук. проекта: канд. ист. наук А. В. Захаров [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 27.06.09); Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 гг.). М., 1844; Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича // Московия и Европа...; Посольство царей и великих князей Петра и Иоанна Алексеевичей к римскому императору в 1682 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб., 1862. Т. 6. С. 1–214; [Шереметев Б. П.] Статейный список посольства ближняго боярина и наместника вятского... в Кроков, Венецию, Рим и Мальту в 7205 (1697) годе // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 5; [Толстой П. А.] Путешествие... по Европе. 1697–1699 гг. / Комм. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. М., 1992.

²⁹ Opisane podróży i poselstwa... [Jana Zawadzkiego]... // Niemcewicz J.U. Zbiór pamiętników historycznych o dawniej Polsce... Warszawa, 1822. T. 3. S. 129–185; Diariusz Electey (так в тексте. – А.Б.) walney Warszawskiej, Anno Domini 1674 odprawioney // Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego : w 2 t. / Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1881. T. 1. Cz. 2. S. 1426–1452; Sobieski J. Listy do Marysieńki / Opr. L. Kukulski. Warszawa, 1970; [Pasek J. Ch.] Reszty rękopismu... Paska... / Wyd. S. A. Lachowicz. Wilno, 1861.

³⁰ Володина Т. В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка» П. И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24; Усенко О. Г. Отношение к «немцам» в России XVII в. (на примере движений социального протеста) // Иноземцы в России в XV–XVII вв. : сб. мат. конф. 2002–2004 гг. М., 2006; Григорьева О. Н. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг. : автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2008; Ложкина А. С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931–1939) : автореф. дис. ... к.и.н. М., 2009; Лескинен М. В. Стереотип «веселого поляка» в описаниях польского национального характера эпохи Просвещения и Романтизма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2 (1) и др.

³¹ Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 13.

В процессе исследования была принята концепция «фоновых книг», согласно которой человек не точно отражает действительность, а черпает «материал» для ее конструирования из уже имеющихся у него представлений о предмете, ища не различия, а сходство в своей и иной культурах.³²

Опираясь на исследовательский опыт В. А. Хорева,³³ одной из важнейших задач исследования, в рамках имагологии, была поставлена попытка выяснить, насколько верным был образ Речи Посполитой, сохранившийся в документах русского резидента. В соответствии с разработками В. В. Орехова, учитывалась «читательская аудитория», которой предназначались тексты донесений.³⁴ В связи с областью исследования имиджологии, формирование образа Речи Посполитой было проанализировано с точки зрения законов возникновения и бытования представлений о «Другом», стереотипов (Л. З. Копелев, А. А. Бодалёв, Е. С. Сенявская, Г. Червинский, В. Е. Багно, Е. А. Галкина, Е. В. Папилова, В. Э. Багдасарян).³⁵

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые был всесторонне проанализирован весь свод материалов российской резидентуры, что позволило составить достаточно полное представление о характеристике Речи Посполитой, данной в бумагах московского дипломата.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут использоваться для подготовки лекций по истории южных и западных славян, мировой культуре, спецкурсов по истории российской дипломатии, польско-российских отношений, в работах по имагологии, при дальнейшей разработке темы культурного и политического взаимодействия Польши и России, в различных исторических и культурологических реконструкциях.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. На восприятие Тяпкиным Речи Посполитой влиял целый ряд факторов. Немалое воздействие на образ Польши оказывали особенности личности резидента, его характер, культурный уровень, нравственные качества. Не меньшее

³² Усманова А. Р. Концептуализуя пограничье: От культурной антропологии к семиотике культуры // Перекрестки. 2004. № 1–2. С. 219–220, 222.

³³ Мусиенко С. Ф. Имагология в интерпретации В. А. Хорева // Лингвистика и методика в высшей школе. Гродно, 2012. Вып. 4. С. 23.

³⁴ Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). Симферополь, 2006. С. 67.

³⁵ Копелев Л. З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ «Другого» в культуре. М., 1994. С. 12; Бодалёв А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. С. 53; Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX в. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Червинский Г. Между стереотипом и его «дешифрацией». Персонажи украинцев и категория «точки зрения» в творчестве Владзимежа Одоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream...7060...Chervinsky.pdf> (дата обращения: 20.08.13); Багно В. Е. На другой духовной широте... // Образ России. СПб., 1998. С. 118; Галкина Е. А. Стереотип: Формирование и хранение в сознании человека // Теория языка и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-03.pdf> (дата обращения: 20.08.13); Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 2011. № 4. С. 38; Багдасарян В. Э. Мифологическая парадигма этнофобии // Научный эксперт. 2007. Вып. 6. С. 57.

значение имела и область профессиональных интересов Тяпкина, его дипломатический статус, а также данное ему правительством «задание». Свой отпечаток накладывали польско-российские отношения данного периода, условия жизни Тяпкина в Польше, характер контактов с важными политическими деятелями Речи Посполитой.

2. Ян III Собеский проявил себя в 1670-х гг. в качестве умелого дипломата и политика. Король наращивал тесные контакты Польши с Францией, Турцией, Швецией, Крымским ханством, Персией. Внешне дружественными были отношения Собеского с Московским царством. Однако в действительности Ян III не считал Россию своей союзницей, не желал соединять с ней силы для борьбы с османами и тайно вынашивал планы по ослаблению Московского государства посредством затяжной войны с Турцией.

3. Государственная система Речи Посполитой в 1673–1677 гг. переживала сложный период. В данной сфере наблюдалось проявление кризисных явлений, в той или иной степени затронувших власть короля, сейм и вооруженные силы. Прослеживается общая тенденция к некоторому ослаблению королевской власти и укреплению позиций сейма. В то же время под влиянием войны с Турцией польская магнатория и шляхта вынуждены были еще считаться с королем, обладавшим талантом полководца. Это несколько укрепило авторитет монарха и усилило его влияние на дела сейма, который между тем сам испытывал определенные трудности. Кризисные процессы, во многом вызванные финансовыми причинами, обнаружились и в вооруженных силах Речи Посполитой. Они привели к голоду и массовым дезертирствам. Тем не менее в целом государственная система Речи Посполитой в 1673–1677 гг. еще справлялась со своими обязанностями, что доказывают как удачи польских войск под Львовом в 1675 г., так и деятельность вального сейма 1677 г.

4. Польский шляхтич 1670-х гг. жил активной политической жизнью, понимал свое значение в делах государства и использовал свои права в политической игре, влияя на те или иные решения польского сейма. Шляхтич осознавал свою принадлежность к привилегированному сословию, требуя к себе особого отношения, пользуясь своим положением в личных целях. Шляхта отличалась от прочих сословий богатством одежды, своеобразными манерами и этикетом, спецификой рода занятий, особенностями проведения досуга. Морально-нравственный облик шляхтича включал такие зачастую взаимоисключающие черты, как, с одной стороны, жадность, хитрость, пристрастие к алкоголю, склонность к чревоугодию; с другой – храбрость, гостеприимство, религиозность.

5. Польский город 1670-х гг., несмотря на пожары, эпидемии, неблагоприятную криминальную ситуацию, жил богатой экономической, политической и религиозной жизнью. Каждый город имел специализацию в той или иной отрасли, среди горожан было распространено занятие ростовщичеством. Города становились местами важных политических событий (в Варшаве проходили выборы короля и вальные сеймы, в Кракове – коронации и коронационные сеймы). Многие города (Краков, Варшава, Львов) – важные религиозные центры, где проводились различные религиозные церемонии, шествия, хранились почитаемые святыни (например, мощи св. Станислава, чудотворные иконы).

6. Отношения между православными и католиками в Речи Посполитой в 1673–1677 гг. были не столь напряженными и конфликтными, как отмечают некоторые исследователи. У «кафоликов» и католиков было немало общего, что на собственном примере показывает Тяпкин, без религиозного пренебрежения посещавший костелы и с восторгом отзывавшийся о мессе. В тех же случаях, когда конфликты все же возникали, их зачинщиками были прежде всего представители ордена иезуитов.

Апробация результатов исследования. Важнейшие положения и основное содержание исследования докладывались автором на международной конференции молодых ученых «Добро и Зло в современном обществе: духовно-нравственные аспекты общественного развития» (Самара, 2011 г.), трех всероссийских конференциях (междисциплинарная конференция молодых ученых «Онтология кризиса в пространстве и времени человека» (Самара, 2009 г.), XV и XVI Платоновские чтения (Самара, 2009, 2010 гг.), XLI и XLII научные сессии Самарского государственного университета (Самара, 2010, 2011 гг.)), в выступлении на семинаре польско-российской школы (Варшава, 2010 г.). Также итоги исследования обсуждались в Институте истории Варшавского университета (Варшава, 2011 г.). Содержание диссертации нашло отражение в девяти публикациях, две из которых в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура квалификационной работы представлена введением, четырьмя главами, заключением, а также списком использованных в работе источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы работы, определены хронологические рамки исследования, раскрыта степень изученности проблемы, определен объект и предмет диссертационного исследования, сформулированы цель и задачи, дана характеристика источниковой и теоретико-методологической базы, приведены сведения об апробации главных положений работы.

Глава 1 «Василий Михайлович Тяпкин – первый российский резидент в Речи Посполитой» объясняет мотивы выбора дипломатом тем для наблюдения, раскрывает эпизоды биографии резидента, повлиявшие на восприятие им Польши.

На характере документов Тяпкина в той или иной степени сказались особенности его внутреннего мира, представление о котором дает биография дипломата. Постепенный, но неуклонный карьерный рост Тяпкина от должности стряпчего до стольника, а позже думного дворянина свидетельствует о таких его качествах, как настойчивость в достижении целей и в то же время способность к компромиссу, что очень важно для получения необходимых сведений. Высокие моральные качества, преданность делу, честность, практически исключая намеренное искажение дипломатом сведений, подразумеваются авторитетом и ответственностью в выборе кадров покровителя Тяпкина на дипломатическом поприще – главы Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина. О присутствии некоторого опыта в польских делах, знаний об объекте наблюдения говорит его

деятельность в качестве гонца в Польшу и выполнение поручений царя на Украине (1660–1670-е гг.). На наличие ума и особые способности в поиске важных сведений указывает и работа Тяпкина в качестве агента-provокатора в украинских землях, а также успешное завершение им сложных переговоров с гетманом П. Дорошенко. Облегчила доступ Тяпкина к важной информации о Польше и его коммуникабельность, выразившаяся в неуклонном увеличении «штата» его агентов-осведомителей. Более объективному восприятию Польши помогала и образованность Тяпкина, лишенного многих предрассудков своих соотечественников.

Человек действия, инициативный, Тяпкин постоянно расширял информационные рамки, не ограничиваясь сведениями только о Польше, но стараясь представить по возможности целостную картину общеевропейских отношений, что также обогащало донесения резидента. В целом московское правительство не раз поручало Тяпкину важные и ответственные задания, что заставляет сделать вывод об особых заслугах резидента, его ответственности в выполнении государственных поручений, о доверии к нему начальства.

Имелись и факторы, способствовавшие искажению впечатлений Тяпкина о Польше. Так, воспитанному в иной культурной среде, резиденту было сложно понять некоторые особенности государственного устройства Польши, например своеобразное положение шляхты и короля в Речи Посполитой. Также к таким факторам относятся условия жизни резидента в Польше: неблагоприятная криминальная ситуация, отношение к нему представителей знати и короля (в некоторых случаях ограничивавших свободу действий Тяпкина, перлюстрировавших его корреспонденцию), отсутствие достаточных финансовых средств (необходимых для подкупа осведомителей), состояние здоровья.

Неоднозначно на качество информации в донесениях Тяпкина влиял его статус дипломата, с одной стороны, привязывающий его к определенным темам (внешняя политика, государственные сферы), с другой – открывавший ему доступ туда, куда обычному иностранцу проникнуть было весьма сложно (палаты короля, первых лиц государства). Двойное воздействие оказывало на характер документов Тяпкина и его «задание» от московского правительства: оно не давало резиденту распылять свое внимание и в то же время сузило информационные рамки донесений, несколько обеднив их. Сказывалась на бумагах резидента внешнеполитическая ситуация – состояние польско-российских отношений и позиция Посольского приказа, хотя и с осторожностью относившегося к Польше, однако большую угрозу видевшего в Турции и Швеции. Таким образом, на впечатления Тяпкина о Польше влияло множество самых разных обстоятельств, связанных как с психологическими особенностями самого резидента, так и не зависящих от него.

В главе 2 «Король Ян III Собеский в восприятии российского дипломата» рассматриваются свидетельства о польском короле в донесениях московского резидента. Особое внимание Тяпкин уделял Собескому как дипломату и политике. Ян III обладал немаловажными для дипломата качествами: расчетливостью, умением за исключением редких случаев скрывать свои истинные чувства и намерения, личным обаянием, талантом лавирования, способностью ради достижения важной цели пренебречь собственными чувствами и интересами. Я. Собеский

умел произвести нужное впечатление, своим вежливым обхождением добившись расположения московского дипломата и тем самым на время сумев скрыть от него свои тайные планы в отношении Турции и Москвы.

Для достижения намеченных внешнеполитических целей Собеский использовал различные средства: обходительность (показное уважение к царю с полным произнесением его титула), подарки (жалование Тяпкина столом и кубком), убеждение (как в случае с Тяпкиным, к которому Ян III посылал разных вельмож с рассказами о своей лояльности Москве), угрозы, силовые методы (ограничение свободы неугодного дипломата).

Внешнеполитическая активность Я. Собеского привела к увеличению международных контактов Польши, укреплению ее влияния на международной арене. Основными векторами политики Яна III стали такие направления, как французское, турецкое, крымское, шведское, московское, персидское, бранденбургское. Ведущим же стало французское: Ян III благоволил к дипломатам Франции, оказывая им особые знаки почета, позволяя им постоянно находиться при себе. В отличие от Франции, к Московскому царству Я. Собеский относился недружественно, не желая соединять с московскими войсками свои силы для отпора туркам, строя планы по ослаблению Москвы при содействии турецко-татарских орд и совместного с Крымом нападения на нее. Собеский надеялся на возвращение потерянных украинских земель под власть Польши, что сталкивало его интересы с интересами царя.

Нашла отражение в донесениях и прославленная в исторических и литературных трудах военная деятельность Я. Собеского, в 1675 г. проявившего свой талант полководца в битве под Львовом, закончившейся победой польских сил. Тактика, примененная в битве Яном III, его личное участие в сражении вызвали одобрение Тяпкина и сильный эмоциональный отклик резидента. О военных заслугах Собеского знали в России на высшем уровне, их признавали, что отразилось в речи к королю одного из русских гонцов М. Бурцова.

Важную роль в жизни и деятельности Собеского играла семья. Король показал себя хорошим семьянином, заботливым отцом и мужем. Определенное влияние на дела Яна III оказывала его супруга Мария Казимира, которой, по некоторым данным, принадлежала инициатива участия Собеского в выборах короля в 1673–1674 гг., а также идея похода на турок с перенесением коронации. Подпав под влияние политических интриг главного оппонента короля М. К. Паца и его окружения, Тяпкин в нескольких своих пассажах представил Собеского во многом подчиненным супруге человеком, вынужденным даже вопреки своим устремлениям исполнять волю жены, что в некоторых случаях приводило к семейным неурядицам.

В семейной жизни Яна III особое место занимали отношения со старшим сыном Якубом. Король планировал возвести сына на престол, «готовил» магнатов и шляхту к этому событию, появляясь с сыном на важных церемониях, государственных мероприятиях. Стараясь подготовить почву для дальнейшего возведения сына на польский трон, Собеский старался закрепить за ним земельные владения в Яворове, а также добыть для него Княжескую (Восточную) Пруссию, находившуюся под властью Бранденбурга-Пруссии. Стремясь заполучить для

сына эти территории, король наладил контакты со Швецией, отправляя ей на помощь против бранденбургского курфюрста свои силы. Так, семейные планы Собеского стали одним из двигателей его внешней политики – «балтийской политики».

В главе 3 «Государственный строй Речи Посполитой 1670-х гг. в оценке московского резидента» рассматривается состояние королевской власти, сейма, вооруженных сил.

§ 1 «В. М. Тяпкин о королевской власти в Польше» освещает состояние королевской власти в Польше 1670-х гг. Здесь заметны два процесса: власть короля постепенно слабела, но в то же время на фоне этой общей тенденции заметно некоторое ее укрепление, что связано с особыми качествами нового короля Яна III.

Стоит заметить, что монарх в Польше 1670-х гг., несмотря на некоторое ослабление его позиций, был лицом весьма важным. Короля называли «головой» Речи Посполитой, без него не обходился ни один сейм. Особое положение королевской персоны в государстве сохранилось в придворном церемониале с целованием королевской руки («быть у руки») вне зависимости от влияния этой персоны. В руках монарха было достаточно рычагов влияния в государстве: он мог, например, отобрать экономии у неугодного ему политического деятеля.

Но период польско-турецкой войны заставил своевольных магнатов и шляхту с большим вниманием относиться к королю, обладавшему талантами полководца, так необходимыми для борьбы с разорявшим польские земли захватчиком. Так, ему все же позволили сохранить в руках одну из гетманских булав на случай войны с турками (хотя он должен был ее передать кому-то другому). Отстоял монарх и право сына на Яворовское староство. Пока король с его способностями был выгоден магнатам и шляхте, они позволяли ему многое. Как только опасность хотя бы частично миновала, вновь начинались протесты и борьба с ним знати.

В § 2 «Сейм Речи Посполитой по донесениям московского дипломата» описывается положение сейма в государственной системе Польши 1670-х гг. В это время сейм укрепляет свое влияние в делах государства. В самом сейме заметно укрепление двух его составляющих – посольской избы и сената.

Увеличение значения посольской избы связано с общей тенденцией ослабления власти короля и протестной деятельностью шляхты, руководимой магнатами, старавшимися через «народ» продвинуть свои собственные планы. Это заметно на сеймовых заседаниях, когда сенат и король не в силах были обуздать послов и вынуждены были в большинстве случаев пассивно наблюдать за беспорядками. Послы (и посольская изба) могли помешать планам короля («балтийской политике»), опротестовав, например, решение провести отряды Рыбинского в Инфлянты через земли поморской шляхты.

С другой стороны, заметно и усиление позиций сената – «рады короля», что было обусловлено в том числе и некоторым укреплением королевской власти в Польше. В целом сейм часто показывал свою жизнеспособность и умение решать назревшие государственные вопросы: несмотря на протестную активность шляхты важный вальный сейм 1677 г. завершился без каких-либо эксцессов. Более то-

го, сейм принимал решения, которые своей своевременностью вызывали одобрение даже представителя России Тяпкина и ставились им в пример московскому руководству (как решение об увеличении финансирования польской резидентуры в Москве). Рост значения сейма отразился и в сеймовых обрядах, которые отличались большой пышностью и сложностью.

Тем не менее, как видно из записей Тяпкина, постепенно сейм все же начинает сдавать свои позиции – решения хотя и принимались, но с большим трудом, и это требовало пролонгации сейма. Заседания нередко проходили в шуме и криках шляхты, «порывавшейся до сабель», а не в конструктивной деятельности.

В § 3 «*Вооруженные силы Речи Посполитой и войны 70-х гг. XVII столетия: взгляд В. М. Тяпкина*» анализируется состояние польских войск, их обмундирование и экипировка, новые явления в вооруженных силах, а также особенности фортификационных укреплений Польши.

В 1674–1675 гг. польские войска переживали нелегкое время: в период турецко-татарского нашествия увеличилось количество дезертиров, проявлений недовольства военных, создававших опасную ситуацию, делавшую вероятной кровавую расправу над начальством. Причиной такого поведения стала невыплата жалованья солдатам, вынудившая их добывать пропитание (которым нередко становилась падаль) грабежами. Моральное состояние воинов было достаточно тяжелым: польские солдаты в поисках наживы не гнушались обворовывать христианские церкви. Тем не менее, несмотря на сложность положения, в 1675 г. благодаря решительным действиям короля Яна III ситуацию удалось переломить: польские войска смогли одержать победу над неприятелем у стен Львова.

Хотя в вооруженных силах Речи Посполитой проявлялись кризисные явления, польское войско еще могло блеснуть великолепием и продемонстрировать многие свои выдающиеся стороны. Польские солдаты показывали свою дисциплинированность, искусство держаться в седле. Экипировка и обмундирование воинов (сшитое из различных видов ткани – тафты, сукна, с вышитыми гербами) отличались богатством и разнообразием, что становилось особенно заметно на парадах и церемониях. На вооружении польских воинов были мушкеты, драганки, протазаны. Польские войска умело преодолевали водные препятствия, славились своими военными инженерами и неплохо организованными военными «обозами» – лагерями. Важным залогом побед были кони, которые весьма ценились и доставлялись с востока. В результате польская армия производила внушительное впечатление, особенно описанный Тяпкиным выезд войск во главе с королем из лагеря под Львовом.

Если в вооруженных силах каких-либо коренных недостатков в тактике или стратегии, подготовке военных кадров Тяпкиным обнаружено не было, то в особенностях обеспечения одного из образцов фортификационных сооружений важный недочет был им отмечен – в укреплениях Вавельского замка резидент не обнаружил достаточных запасов хлеба на случай осады.

С 1670-ми гг. связаны некоторые изменения в вооруженных силах Польши: стало заметным французское влияние, в войсках активнее стал применяться новый вид оружия – особые короткие пики («джиды»).

В главе 4 «Бытовая культура и повседневная жизнь в Речи Посполитой 70-х гг. XVII в. глазами российского дипломата» изучаются традиции, обычаи, культурные устои Польского государства.

§ 1 *«Польская шляхта в восприятии московского резидента»* посвящен привилегированному сословию Польши 1670-х гг. Как привилегированное сословие, шляхта жила насыщенной политической жизнью: участвовала в заседаниях сейма, обсуждении и принятии важных государственных решений, политических интригах. «Народ» общался с королем, получая от него знаки внимания и честь произнести перед государем речь. Шляхте поручались дела дипломатические, государственной важности. Как лица, посвященные в государственные тайны, представители «народа» становились важными осведомителями иностранных агентов, например Тяпкина, продавая известные им секреты за дорогие подарки и угощения.

Из донесений Тяпкина видно, что шляхта, как привилегированное сословие, имела рычаги влияния на государственную жизнь: своими действиями в посольской избе шляхта могла затормозить принятие того или иного решения. Этим пользовались магнаты, старавшиеся через шляхту проводить собственную политику.

Шляхта, как следует из донесений резидента, осознавала свою принадлежность к особому, «избранному» обществу, что находило выражение в определенном положении в обществе, а также в обостренном чувстве собственного достоинства (что приводило к дуэлям), своеобразных традициях и нормах поведения. Характерной чертой шляхты был ее костюм, отличавшийся большой пышностью и богатством. Особые традиции сложились у шляхты в общении, где нужно было обязательно показать свое красноречие.

У шляхты имелись свои обычаи в повседневной жизни (как при встрече гостей, когда она демонстрировала хлебосольство). Многие из них подчеркивали исключительное положение шляхетского сословия в Польше, его особые возможности. Шляхта вела праздный образ жизни: неотъемлемой частью шляхетской культуры 1670-х гг. были богатые застолья с обильными возлияниями и дорогими «сахарными» яствами.

Важной привилегией шляхты как сословия была честь защиты своей земли, ее участие в военных действиях. На войне шляхтичи нередко проявляли большую храбрость, удостоившись от Тяпкина сравнения с львами. Шляхта специально готовилась к военной службе, постоянно совершенствуя свои умения в частных войнах, в конных состязаниях, гарцевании. Умение держаться в седле стало одной из ярких особенностей шляхты, о которой знали и за ее пределами, например в России.

В § 2 *«В. М. Тяпкин о городах Польши»* раскрывается экономическая, политическая, религиозная составляющие жизни польских городов 1673–1677 гг. Города жили активной экономической жизнью, специализируясь на разных видах ремесла (так, Гданьск поставлял алебарды, в Жулкове были искусные мастера каретного дела, в Кракове – книгопечатники, Величка и Бохна специализировались на соляных промыслах). Важную роль в городской экономике играли мяснщики, занимавшиеся ростовщичеством, извозом. Важным участником городской

экономики были цехи, представителей которых Тяпкин замечает на различных церемониях.

Города были важными центрами политической жизни – например, в Варшаве, Яворове, Злочеве и Жулкеве находились резиденции короля Яна III, в Торунь – королевы-вдовы Элеоноры Вишневецкой. Из городов-резиденций посылались важные послания, в них принимались иностранные посольства. Улицы польских городов становились местами репрезентации власти монарха, его персоны: в периоды церемониальных въездов короля на сейм устанавливались триумфальные арки с его изображением, а также картинами с изображением его деяний и подвигов предшественников. Именно в городах – Варшаве и Кракове – проходили важные государственные мероприятия: коронации, сеймы.

В то же время польские города 1670-х гг. не всегда были благоприятны для проживания. Большую опасность представляли эпидемии чумы, частота вспышек которой сформировала у горожан особую фобию. Также беспокойство причинял разгул городской преступности, вызванный в большей степени, тяготами войны. В период польско-турецкой войны городам часто приходилось выносить долгие осады, вызывавшие эпидемии и голод среди горожан.

Польские города отличались богатой культурной жизнью, собрав представителей разных культур: поляков, украинцев, армян, евреев. История «мяст» часто отличалась древностью (например, Кракова), а сами города нередко окружали старинные легенды и предания, например сказание о Вавельском Смоке. В период коронации, въездов короля на сейм на городских улицах осуществлялись театрализованные действия, звучала музыка, с помощью смолы и серы устраивались огненные феерии, слышались пушечные залпы и ружейная пальба.

Яркой была и религиозная жизнь польских городов, бывших крупными религиозными центрами (Краков, Львов) со своими почитаемыми святынями. Известностью пользовались крупные костелы св. Яна в Варшаве, св. Станислава в Кракове, монастыри (как бернардинский «кляштор» близ Львова). С большим размахом отмечались перенесения в город чудотворных икон, многолюдные церемониальные шествия.

В § 3 «Религиозная жизнь Речи Посполитой в донесениях российского дипломата» отмечается процесс увеличения влияния католической религии на различные стороны жизни Польского государства, что отразилось, например, в традиции обязательного богослужения перед сеймом. Присяга нового короля, коронация, въезд монарха на сейм не обходятся без участия многочисленных представителей духовенства. В 1670-х гг. проходит множество пышных религиозных церемоний (религиозных шествий, процессий), помпезных богослужений с различной музыкой (органы, скрипки, литавры). Растет количество монашеских организаций – в Польше действуют камальдулы, бернардинцы, францисканцы, иезуиты. Нашествие турок и татар, тяготы войны заставляли поляков все чаще обращаться к Высшим силам за поддержкой, что умножило число паломничеств к таким святым местам, как Студзяны, а также усилило почитание чудотворных образов (например, иконы Богоматери Трембовельской). Упрочение позиций Церкви в польском обществе также заметно в богатстве убранств католических храмов, украшавшихся драгоценными коврами, и в особенности кафедрального костела св.

Станислава, роскошь отделки серебряной раки которого привлекла внимание Тяпкина.

Особую роль католическая вера играет в это время в идеологии Польши, рассматриваемой поляками как оплот христианства в «священной войне» с «неверными», которую возглавляет воскрешенный образ легендарного героя Крестовых походов Готфрида Бульонского. Польское государство рассматривается как священное, во главе которого стоит пастьерь-король, в коронации (ее инсигниях) и самом облике которого угадывается намек на Христа и его въезд в Иерусалим.

Помимо роста религиозности заметно и усиление мистических настроений в польском обществе 1670-х гг., подготовленное тяжелой польско-турецкой войной (1672–1676 гг.), происками враждебных новому королю Яну III политических сил. Пожары, «моровые поветрия», финансовый кризис, бесчинства голодных солдат, ухудшение криминальной ситуации способствовали появлению апокалипсических настроений в польском обществе, придававшим большое значение всевозможным знамениям – истечению крови из тела короля Михала Вишневецкого, «огненному столпу» на реке Неман, необычному «рогатому» граду.

Важным вопросом в эпоху Контрреформации были межконфессиональные отношения. В отношениях православных и католиков, с одной стороны, имелись некоторые сложности: известны примеры, когда в период войн поляки разоряли православные храмы, стремились вмешаться в жизнь «кафоликов». Однако, затрагивая религиозную жизнь 1670-х гг., Тяпкин отмечал гораздо больше случаев мирного сосуществования двух религий. Православные находили немало общего между ними и католиками, с уважением отзываясь о некоторых представителях римского духовенства, восхищаясь красотой мессы, как Тяпкин. Хотя, например, дореволюционный автор Ф. И. Титов утверждал, что документы Тяпкина показывают трагическое положение православных в Польше, резидент изображает взаимоотношения «папистов» и «греков» (которые совместно посещали религиозные шествия, ставили свечи одним и тем же святым образам) в большинстве случаев довольно дружественными.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы. Как выяснилось, на восприятие Речи Посполитой русским резидентом Тяпкиным влиял целый ряд факторов, как связанных с личностью дипломата (например, его опытность, культурный уровень, черты характера), так и не зависевших напрямую от него (условия жизни в Польше, отношения с влиятельными польскими панями, внешнеполитическая ситуация). Все это воздействовало на представления Тяпкина о Польше и отражалось в его донесениях.

Оказалось, что король Ян III Собеский был достаточно умелым дипломатом и политиком, способным при необходимости поступиться собственными чувствами ради государственных интересов, использовавшим все возможные средства для достижения намеченной цели, умевшим производить на собеседника нужное впечатление. Как истинный политик Ян III скрывал свои подлинные настроения от окружения, вел «двойную игру», стараясь использовать все возможности. Благодаря активности Собеского Польша в 1670-х гг. вновь выходит на международную арену, поддерживает контакты с самыми разными государствами: Францией (это направление было ведущим), Турцией, Московским цар-

ством, Швецией, Крымом, Персией. Но если с Францией и Швецией Собеский поддерживал в данный период дружественные связи, то его истинные настроения в отношении России были в большей степени недружественными.

Было показано, что королевская власть в Польше переживала в 1670-х гг. весьма непростой период: с одной стороны, наблюдалась общая тенденция к ее постепенному ослаблению; с другой – в период 1674–1677 гг. заметно было некоторое укрепление позиций монарха. Такое положение было связано с турецко-татарской угрозой, заставлявшей магнатов и шляхту прислушиваться к мнению искусного в военных делах короля-полководца.

Подобные, на первый взгляд, противоречивые тенденции отмечаются и в жизни польского сейма. Влияние сейма увеличивается, однако внутри него этот процесс идет неравномерно: в разные периоды отмечается рост значения то посольской избы, то сената. Усиление посольской избы заметно во многих успешных акциях, направляемых настроенными против короля магнатами (связанных с затягиванием сейма, опротестованием инициатив монарха). Укрепление же положения сената в некоторой степени зависело от временного возрастания власти короля. Однако упрочение было незначительным – в определенный момент сейм перестал справляться со своими обязанностями: тогда ответственность за решение государственных вопросов переходила к сеймикам.

Кризисными процессами были охвачены вооруженные силы Речи Посполитой 1674–1675 гг. Отсутствие финансирования привело к массовому дезертирству, голоду среди солдат, распространению грабежей, напряженным отношениям воинов с начальством. Решение финансового вопроса королем привело к улучшению ситуации и к победе польских сил над неприятелем в 1675 г.

Ослабление власти короля и не всегда эффективная работа сейма были отчасти связаны с возрастанием роли политически активного сословия Польши – шляхты. Шляхта имела свою собственную культуру, которую отличала тяга к внешнему блеску, роскошным одеяниям. Как привилегированное сословие шляхта могла позволить себе проводить время за пирами, на охоте. Особое положение в политике и при дворе способствовало развитию определенных черт «народа»: лъстивости в обращении с магнатами и королем, склонности к интригам. Привилегией шляхты было участие в военных действиях не в качестве рядовых солдат, а в званиях более высоких, соответствовавших ее статусу. Шляхта осознавала свое особое положение в государстве, что отразилось в том числе в вызвавшем нарекания Тяпкина ее «непослушании» государю, «своеволии».

Было отмечено, что польский город 1670-х гг., несмотря на тяжелую польско-турецкую войну, связанные с ней эпидемии, пожары, разгул преступности, жил активной экономической, политической, религиозной жизнью. Города сохранили свою богатую культуру, продолжали являться важными духовными центрами Речи Посполитой (как Краков, Варшава, Львов).

В религиозной жизни было показано, что межконфессиональные отношения в 70-х гг. XVII в. были достаточно мирными. Контакты между католиками и православными хотя и не были полностью лишены конфликтов, все же носили в большинстве случаев мирный характер. Более того, «латины» и «кафолики» совместно участвовали в важных религиозных церемониях, поклонялись общим

иконам. Таким образом, Речь Посполитая 1670-х гг. столкнулась с множеством серьезных проблем. Государство переживало противоречивые процессы, которые, однако, пока не привели к ослаблению Польши, еще показывавшей свою силу.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ

1. Богатырёв А. В. Ян Собеский под колпаком Василия Тяпкина: Польский король в донесениях московского резидента // Родина. – 2011. – № 5 (май). – С. 81–83.

2. Богатырёв А. В. Польский город последней четверти XVII в. глазами русского дипломата // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 2 (16). – С. 202–205.

Другие публикации

3. Богатырёв А. В. «Сорок дней до падения Ниневии»: Речь Посполитая конца XVII в. глазами русских дипломатов // Онтология кризиса в пространстве и времени человека : сб. матер. междисциплинарной науч. конф. молодых ученых и специалистов. – Самара, 2009. – С. 132–135.

4. Богатырёв А. В. Василий Михайлович Тяпкин – первый российский резидент в Речи Посполитой // История и историография зарубежного мира в лицах / под ред. В. В. Кутявина. – Самара, 2009. – Вып. 9. – С. 17–48.

5. Богатырёв А. В. Первая русская резидентура в Польше (из истории становления института резидентуры в России) // Платоновские чтения : матер. и докл. XV Всероссийской науч. конф. молодых историков (Самара, 20–21 ноября 2009 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. – Самара, 2009. – С. 36–40.

6. Богатырёв А. В. «От шлема к венцу, от жезла к скипетру»: русский резидент В. М. Тяпкин о выборах короля в Речи Посполитой в 1673–1674 гг. // Платоновские чтения : матер. и докл. XVI Всероссийской конф. молодых историков (Самара, 19–20 ноября 2010 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. – Самара, 2010. – С. 126–131.

7. Богатырёв А. В. Духовно-нравственные качества польской шляхты последней четверти XVII в. в оценках русского дипломата // Добро и зло в современном обществе: духовно-нравственные аспекты общественного развития : сб. матер. IV международ. науч. конф. молодых ученых. – Самара, 2011. – С. 144–147.

8. Богатырёв А. В. «Служеб святых по костелам зело много...»: обряды и традиции католической церкви Речи Посполитой в восприятии московского резидента // История и историография зарубежного мира в лицах / под ред. В. В. Кутявина. – Самара, 2011. – Вып. 10. – С. 52–70.

9. Богатырёв А. В. Сейм Речи Посполитой 70-х гг. XVII в. по донесениям московского дипломата // Clio Moderna: Зарубежная история и историография / под ред. И. И. Шарифжанова. – Казань, 2011. – Вып. 8. – С. 185–213.

Подписано в печать с электронного оригинал-макета 01.11.2013.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 1,0.
Тираж 120 экз. Заказ 129/02.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре
Поволжского государственного университета сервиса.

445677, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4.
тел. (8482) 222-650.